

Гендерное равенство как проблема российских реформ

Несмотря на то что гендерные¹ исследования в России являются очень молодой отраслью общественного знания, они опираются на достаточно долгую традицию изучения проблематики равноправия женщин и мужчин, которая сложилась в нашей стране еще на рубеже XIX—XX вв. и отличалась определенным своеобразием сравнительно с ее западными аналогами. С чем связано это своеобразие? Прежде всего с особенностями развития страны, ее уклада, и в частности, с самой организацией российского социума, являющегося, по определению крупнейшего историка современности М.Я.Гефтера, "социумом власти", где на протяжении всей истории государство фактически подминает под себя общество и действует как моносубъект политики. Не случайно в отечественной традиции гендерных исследований сильнее, чем где бы то ни было, акцентируется тема не столько собственно женского равноправия, сколько равноправия вообще всех людей перед законом, освобождения личности из-под репрессивной власти государства, автономизации, отделения индивида от родового начала. И в непосредственной связи с этим — тема перехода от авторитаризма к современному правовому государству, к демократии².

Как связаны между собой сюжеты гендерного равенства и модернизации, а также демократизации общественных систем?

¹ От англ. *Gender*, что в буквальном переводе означает грамматическую категорию рода. В свое время этот термин был изъят из лингвистического контекста и перенесен в исследовательское поле других наук — социальной философии, социологии, истории, а также в политический дискурс. Перенос был сделан, чтобы "уйти" от термина "sexus" (биологический пол), так как это понятие связывает с природной детерминированностью не только телесные различия мужчин и женщин, но и неодинаковые требования и отношение общества к мужчинам и женщинам. Термин "*гендер*" был призван подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий. Существует множество его определений. Наиболее точным представляется определение, данное Э.Гидденсом, который считает, что "гендер" — это "не физические различия между мужчиной и женщиной, а *социально формируемые особенности мужественности и женственности*". Гендер, по его словам, означает прежде всего "социальные ожидания относительно поведения, рассматривающегося как соответствующее для мужчин и женщин". См.: Гидденс Э. Социология. М, 1999. С. 665.

² Более подробно см.: Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998.

Коротко говоря, описывая различные модели социального взаимодействия женщин и мужчин, исследователи выделяют два типа принципиально разных гендерных отношений. Один — характерный для так называемого традиционного общества, другой — для общества модерна.

В традиционном обществе главная черта этих отношений — иерархия между полами: мужчина выступает как субъект властных отношений, женщина — как объект его власти. Такие отношения определяются как субъект/объектные, статусно неравные. Авторитет мужской силы, право силы, характерное для традиционного уклада, превращается в основание всех известных человечеству авторитарных режимов — власти вождей рода, "отцов" народов, монархов, диктаторов. И пока гендерное неравенство сохраняется, существует и потенциальная возможность или предрасположенность общественных систем к продлению дней власти авторитарного типа.

Такая авторитарная власть опирается не только на аппарат физического принуждения и грубого насилия. Она использует и методы идеологической обработки сознания с помощью языка, культурных образцов, формирования строгих норм должного социального поведения; методы социализации, воспитания, т.е. покоится на очень прочных основаниях. И тем не менее под воздействием гигантских социальных катаклизмов, к которым относятся буржуазные революции — революции права, правосознания, промышленные революции и революции культурные, происходившие в последние 300 лет, эта прочная система гендерных отношений оказывается поставленной под сомнение. Вместо нее исподволь начинает складываться новая система социального взаимодействия женщин и мужчин, основанная на норме равенства между полами.

Такой переход от одной системы гендерных отношений к принципиально иной в глубине своей предполагает пересмотр самой совокупности отношений власти. Из отношений господства/подчинения, или субъект/объектных отношений, они должны превратиться в отношения равные, субъект/субъектные. Проще говоря, это значит, что любой властитель — монарх, начальник, хозяин или муж "развенчивается": он перестает быть и (что тоже очень важно) ощущать себя властителем подчиненных, которые при традиционном укладе принадлежат ему душой и телом.

Этот всемогущий властелин должен превратиться в простого исполнителя определенных функций в совершенно иной системе разделения труда, предусматривающей не владение другим человеком, а управление конкретным процессом. Его взаимодействие с подчиненными превращается в согласованное распределение ролей, обязанностей между различными, но равными субъектами. В этом (в изменении характера власти и одновременно ее разделении, т.е. перераспределении полномочий между различными ветвями власти, государством и гражданским обществом, между мужчинами и жен-

щинами) по большому счету, состоит суть демократического переустройства общественных систем, суть их модернизации¹.

В рамках этих перемен женщины отвоевывали для себя, условно говоря, три группы прав: политические (гражданские), социально-экономические, репродуктивные права, которые могли бы позволить им рассчитывать на социальный статус, сопоставимый по основным параметрам с мужским. Сегодня гендерное равенство рассматривается как обязательное условие успешного функционирования современной демократии — демократии "участия" или "консолидированной" демократии.

Не случайно с XX в. начался, например, стремительный прорыв женщин в сферу политики. По данным ООН, на 2000 г. женщины возглавляли как президенты или премьер-министры такие разные страны, как Бангладеш, Ирландия, Латвия, Новая Зеландия, Панама, Сан-Марино, Финляндия, Шри-Ланка. Под их руководством находилось около 10% парламентов мира.

В самых развитых демократиях мира, таких, как Канада, Исландия, Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, в последние 30 лет завершается так называемая "тихая женская революция". Женщины этих стран добились почти половины мест во всех структурах власти. И, что самое важное, изменили содержание политики. Ее отныне главные приоритеты — вопросы повседневной жизни людей: здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение и т.д. Именно сюда, в социальные сферы, и направляется большая часть бюджетных средств. Женщины пытаются не просто освоить все пространство политики, но заявляют о своем намерении в корне изменить ее правила и содержание. Например, дважды руководившая правительством своей страны норвежка Гру Харлем Брундтланд убеждена, что женщины призваны морально совершенствовать, сделать более гуманными существующие в политике отношения. Она неоднократно подчеркивала, что "правительства, в составе которых много женщин, не похожи на все остальные, так как женщины склонны к сочувствию... Их решения отличаются от тех решений, что принимают мужчины"².

Этот опыт стимулировал ООН сопоставить особенности и основные направления деятельности парламентов стран мира с различными гендерными характеристиками. По оценкам ООН, только тогда, когда в составе депутатского корпуса той или иной страны больше 20% женщин, законодатели всерьез начинают разрабатывать законопроекты в интересах детей. И только тогда, когда среди законодателей

¹ Показательно, что знаменитый немецкий социолог Г.Зиммель относит к числу признаков модернизации выдвижение на первый план общественной жизни проблематики прав человека, включая права женщин: промышленную революцию, урбанизацию, распространение всеобщего образования. См.: *Simmel G. Philosophie de la modernité*. P., 1989. P. 159-161.

² Wallstreet Journal. 1987. May 7.

около 30% женщин, появляются законы и государственные программы, отвечающие насущным интересам женщин. Но главный вывод ООН заключается в том, что только паритетное участие мужчин и женщин в структурах государственной власти гарантирует принятие сбалансированных политических, социальных, экономических решений, а потому обеспечивает устойчивое развитие любой страны.

Как с этой точки зрения обстоят дела в нынешней России? Для анализа вовлечения женщин в мир политики в современной политологии чаще всего используются две довольно близкие концепции: "интеграции" и "маргинальности". Согласно первой из них, интеграция женщин в политический процесс снимает неоправданную напряженность не только в отношениях между полами, но и в нормативном взаимодействии сфер публичной и приватной жизни — напряженность, подрывающую основы консолидированной демократии¹.

Согласно второй, политическая маргинальность есть контекст существования в современном мире не только женщин, но вообще всех слоев населения, страдающих от неравенства, несправедливости, эксплуатации. Их по традиции относят к "меньшинствам", хотя на самом деле они образуют большинство общества. Представители этого непризнанного большинства оказываются исключенными из процесса принятия решений. Они не способны воздействовать на политическую повестку дня, вынуждены адаптироваться к чужим и чуждым политическим решениям², что порождает у них настроения иждивенчества, ожидания покровительства и т.д. Такая ситуация чревата скатыванием к авторитаризму, она свидетельствует о непрочности демократических основ общества, значит, требует серьезных перемен.

Понятно, что установка на построение в России современной демократической политической системы в принципе предполагала, что женщинам, как и мужчинам, должна быть обеспечена не только юридически, но и фактически вся совокупность прав человека. На этом настаивали, в частности, женские организации. Благодаря их давлению в текст принятой в 1993 г. Конституции РФ была включена и норма гендерного равенства. Она закреплена в ст. 19 (ч. 3), которая — что знаменательно — входит в общий раздел "Права человека". Эта норма сформулирована так: "мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации".

В развитие конституционной нормы гендерного равенства в 1990-е годы появился ряд правовых документов: Указы Президента "О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин" (1993), "О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государствен-

¹ *Sapiro V.* The Political Integration of Women. University of Illinois Press, 1984.

² *Klein V.* The Feminist Character: A History of Ideology. University of Illinois Press, 1972.

ной власти субъектов Российской Федерации" (1996), а также два национальных плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе. Первый был рассчитан на 1996—2000 гг., второй — на 2001-2005 гг. В каждом из этих документов государство заявляло о необходимости расширить возможности для включения женщин в структуры власти.

В то же время законодательная власть была призвана развить конституционный принцип гендерного равенства в серию законов, обеспечивающих его соблюдение в различных сферах общественной жизни, включая политику. Государственная Дума начинает заниматься этим, но в итоге принимает не серию законов, а только "Концепцию законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин". Известно, что концепция не имеет силы закона, но, тем не менее, накладывает на законодателей определенные обязательства, хотя бы в плане дальнейшей законотворческой деятельности.

Участие России в ряде международных соглашений, принятых по инициативе ООН, Международной организации труда и др., со своей стороны обязывает российское государство обращать особое внимание на проблемы обеспечения гендерного равенства.

Решили ли эти многочисленные законодательные акты, указы, постановления проблему гендерного равенства в России? Нет, не решили. Определяя систему сложившихся в стране в эти годы гендерных отношений, социологи чаще всего используют понятие "гендерная асимметрия", или неравенство социальных позиций женщин и мужчин. В чем конкретно выражается эта гендерная асимметрия?

Специалисты говорят, что практически все негативные социальные явления повседневной российской жизни — безработица, бедность, болезни имеют сегодня "женское лицо". Наиболее характерный показатель в этом плане — уровень женской безработицы. От начала реформ до сего дня — с теми или иными колебаниями — женщины составляют две трети официально зарегистрированных безработных. Работодатели, как правило, предпочитают увольнять женщин, но нанимать мужчин. Поэтому безработные женщины дольше ищут новое рабочее место. Особенно тяжелое положение на рынке труда у девушек, не имеющих рабочего стажа, и у женщин предпенсионного возраста. Дискриминация по признаку пола проявляется и в том, что профессионально-карьерный статус женщин практически во всех отраслях экономики и общественной жизни ниже, чем у мужчин. Хотя женщины гораздо образованнее мужчин: высшее и среднее образование имеют 64% занятых женщин и только 47% занятых мужчин, женщины в основном заняты на рабочих местах, не требующих высокой квалификации. Доля женщин среди работников промышленности, имеющих минимальную квалификацию, составляет две трети, а среди работников высшей квалификации она равняется лишь одной пятой. И уже совсем незначительно

число женщин среди руководителей предприятий и организаций: в целом в различных отраслях экономики оно не превышает 6-9%. Отсюда — резкий разрыв в оплате труда между мужчинами и женщинами, а значит, и в размерах начисленных им пенсий. По данным официальной статистики, средняя зарплата женщин по стране составляет две трети от мужской. В ряде отраслей этот разрыв еще значительнее. Например, средняя зарплата в легкой промышленности, работниками которой являются 85% женщин, составляет только 25% от зарплаты, получаемой работниками топливно-энергетического комплекса, представленного мужским населением. Неоправданно низкими остаются и заработки "бюджетников", особенно работников социальной сферы: здравоохранения, образования, культуры, социальных работников. В их числе также основная масса — женщины. Показательно и то, что женщины преобладают среди занятых в мелком бизнесе, но их практически нет в бизнесе крупном и уж тем более в числе "олигархов".

Но особенно явно неравенство шансов женщин и мужчин обнаруживается в сфере как управления страной, так и политики. Согласно Госкомстату РФ, в системе государственной службы женщины, как правило, занимают должности, не предполагающие принятия ответственных решений. В общей численности работников, занимающих государственные должности в органах государственной власти РФ, женщины составляют 70,6%; мужчины — 29,4%. Так называемые "высшие" должности занимают 23,3% женщин и 76,7% мужчин. Женщин нет среди губернаторов, руководителей республик, мэров крупнейших городов.

Государственные должности прокуроров и следователей занимают 37% женщин и 63% мужчин.

Среди депутатов нижней палаты парламента — Государственной Думы показатель представленности женщин неуклонно снижается. В Государственной Думе первого созыва (1993-1995 гг.) их было 13,6%; второго созыва (1995-1999 гг.) — 10%; третьего созыва (избранной в декабре 1999 г.) — только 7,7%. В Совете Федерации в числе 178 сенаторов — 7 женщин.

Среди депутатов законодательных собраний субъектов РФ в 1999-2000 гг. было около 9% женщин. Только 3 из 89 региональных законодательных собраний возглавляли женщины. В то же время женщины составляли более 40% депутатов, работающих в органах местного самоуправления.

Женщин почти нет и среди руководителей крупнейших политических партий, имеющих свои фракции в парламенте и оказывающих реальное воздействие на политику страны. Исключение составляет И.Хакамада, которая входит в тройку лидеров партии "Союз правых сил". Более того, в своей деятельности политические партии систематически нарушают конституционный принцип равных возможностей женщин и мужчин и создают непреодолимые

барьеры на пути женщин в законодательную, а оттуда и в исполнительную власть. Только один конкретный пример. В избирательной кампании 1999 г. в списках партий — фаворитов избирательной кампании, каковыми являются КПРФ, ОВР, "Яблоко", "Единство", СПС, насчитывалось в сумме только около 11% женских имен: КПРФ — 10%, "Единство" — 10, "Яблоко" — 11, ОВР — 12%. Больше всего женщин числилось в списке "Союза правых сил" — 17%.

Среди тех, за кого боролись эти же объединения в одномандатных округах, также было 10—12% женщин. Иными словами, все политические объединения — участники избирательной борьбы предоставляли в 1999 г. женщинам и мужчинам разные шансы для доступа в мир политики. Поэтому российская законодательная власть имеет сегодня четко выраженный "мужской" профиль. А Россия по показателю представленности женщин в парламенте занимает 120-е место в мире.

Такое положение вещей чревато несколькими последствиями разного плана.

Во-первых, гендерный дисбаланс властных структур негативно сказывается на повседневной жизни российских женщин. Можно утверждать, что все экономическое законодательство, создаваемое российским парламентом, — налоговое, таможенное, кредитно-денежное — объективно способствует сохранению и усугублению гендерного неравенства, поскольку оно ориентировано на создание более благоприятных условий для "мужских" отраслей экономики, чем для отраслей "женских".

Во-вторых, маргинальность женщин-парламентариев резко усложняет их деятельность, отражается на характере их законотворчества, на выборе приоритетов при голосовании, а также на их самооценке. Ведь они не могут не ощущать свою чужеродность в этом мужском царстве. Их действия, в отличие от действий коллег-мужчин, оцениваются по двойным стандартам. Им выносят вердикт и как политикам с традиционным, значит, мужским, набором качеств, и как женщинам, которые обязаны сохранять "женственность", дабы не быть осужденными общественным мнением. По остроумному замечанию одной опытной политической деятельницы, чтобы женщину стали считать заметной фигурой в политике, она "должна работать, как лошадь, и вести себя, как леди". Это редко кому удастся. А если и удастся, то ценой больших перегрузок и психологических травм, а то и потерь, таких, как распад брака, проблемы с детьми и т.д. Проще всего в этом случае имитировать поведение мужчины-политика. Но в таком случае пропадает всякий смысл идеи женского представительства во власти. Кроме того, как уже неоднократно отмечалось специалистами, сферы политической ответственности женщин, как правило, совпадают с традиционными женскими обязанностями — это вопросы социальной защиты, семьи, материнства и детства. Первая женщина-министр в истории России графиня Софья

Панина получила пост главы Министерства социального призрения после Февральской революции 1917 г., затем, в дни Октябрьской революции, он перешел к большевичке Александре Коллонтай. Еще недавно в российском правительстве блок министерств, занимающихся социальными вопросами, курировала вице-премьер В.Матвиенко. Причем эти вопросы до сих пор воспринимаются обществом не как самые важные для человека и его повседневной жизни, а как второстепенные. Это значит, что традиционный стереотип "естественного" предназначения женщин воспроизводится на уровне "большой" политики даже тогда, когда женщины попадают туда, действуя вопреки традиционному канону женского поведения. И это, так или иначе, ощущается основной массой женщин, которые и без того никогда не имели вкуса к политике, а, глядя на эти "образцы", могут потерять его окончательно.

В-третьих, маргинальность женщин в политике имеет своим следствием инерционность, консерватизм политического поведения избирательниц. И потому может рассматриваться как одно из существенных препятствий на пути демократической трансформации страны. Между тем женщины — наиболее дисциплинированная часть электората. Характерно, что в парламентских выборах 1999 г. приняли участие 66% женщин и только 59% мужчин. Проявив, как обычно, более высокий уровень электоральной активности, женщины, к тому же численно преобладающие в составе населения, оказали значительно большее, чем мужчины, влияние на исход выборов: среди их участников доля женщин составила 56%, а мужчин — 44%¹.

Вместе с тем поведение избирательниц было продиктовано их "пониженной", в сравнении с мужчинами, политической ангажированностью и "повышенной" склонностью к оглядке на "чужую" систему ценностей, к выбору по аффективным, а не по рациональным мотивам, не в пользу конкретного лица, а в пользу его статуса.

В "информационной войне" — ударной составляющей избирательной кампании 1999 г., женщины оказались более уязвимыми "мишенями", чем мужчины. Они доверчивее относились к СМИ и чаще прислушивались к завуалированным рекомендациям новостных и аналитических программ телевидения. Они чаще заявляли, что именно последние привлекли их внимание к выборам. Значит, собственный интерес к выборам был у них несколько меньшим, чем у мужчин.

Кроме того, женщины намного реже, чем мужчины, объясняли свой выбор согласием с программными установками избранной партии либо уверенностью в том, что она "способна вывести страну из кризиса". Иначе говоря, они реже ссылались на рациональные со-

¹ Сравнительный анализ политических предпочтений женщин и мужчин впервые в отечественной социологии был сделан Г.Л.Кертманом. Здесь используются с его согласия данные исследований, проведенных для следующих работ: Айвазова С., Кертман Г. Мужчины и женщины на выборах: Гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 гг в России М, 2000; Они же. Женщины на randevу с российской демократией М., 2001.

ображения. И гораздо чаще объясняли свой выбор доверием и симпатией к партийным лидерам.

Впрочем, мужское политическое поведение — тоже далеко не идеально с точки зрения демократических ценностей. В ценностных ориентациях и политических установках мужчин и женщин при внимательном изучении данных опросов обнаруживаются две принципиально расходящихся системы "комплексов". Патерналистская составляющая советской традиции в большей мере воспроизводится в политических оценках женщин, "имперская" составляющая — в оценках мужчин. Если первым более свойствен комплекс социального бессилия, побуждающий ориентироваться на государственное покровительство, то вторым — иные, "имперские" комплексы, также препятствующие освоению демократических ценностей.

Для преодоления "своего" общественно-политического комплекса женщины имеют сегодня дополнительный институциональный ресурс — независимое женское движение. Посмотрим на последнее только с этой точки зрения. Чего здесь удалось добиться женским организациям? Во-первых, в 1993 г., в момент подготовки нынешней Конституции РФ, женские организации сумели настоять на включении в ее текст нормы равенства прав и возможностей женщин и мужчин. Во-вторых, женское движение пытается добиться интеграции женщин в политику с помощью нормативного регулирования представительства женщин в структурах власти. Обычно оно осуществляется либо политическими партиями, закрепляющими такие нормы в своих уставах, либо соответствующими государственными законами. По привычке советского времени такого рода нормы называют у нас "квотами". Между тем это разные понятия: квоты спускаются сверху, их "дают", нормы — результат общественного договора, закреплённый в законе. Сама идея введения нормы гендерного равноправия при составлении списков кандидатов в структуры власти долго вызывала отторжение в политическом обществе. Тем не менее через своих лоббистов в Думе женским организациям удалось включить такую норму в ст. 8, ч. 4 Закона "О политических партиях". Она обязывает отныне политические партии "создавать мужчинам и женщинам, гражданам Российской Федерации разных национальностей, являющимся членами политической партии, равные возможности для представительства в руководящих органах политической партии, в списках кандидатов в депутаты и иные выборные должности в органах государственной власти и органах местного самоуправления".

Однако аналогичные поправки к Закону "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" провести не удалось. Тем не менее при их голосовании обнаружилось, что больше трети российских парламентариев в принципе готовы поддержать идею сбалансированного гендерного представительства в структурах законодательной власти.

Что еще важно. По мере обсуждения всех этих законодательных инициатив стал понемногу усиливаться интерес политического сообщества — и общества в целом — к проблематике гендерного равенства. Его отражением можно считать, в частности, актуализацию задач по программному обеспечению идей гендерного равенства политическими партиями. Эту задачу так или иначе решают сегодня социал-демократы, центристы из "Единой России", "Яблока", СПС. Наряду с этим в общественном мнении постепенно стало складываться представление о легитимности требований женских организаций, включая требование интеграции женщин в политический процесс.

Интеграция женщин в общественно-политическую жизнь России будет во многом зависеть и от общего политического контекста, и от того, в каком направлении будет развиваться само женское движение, и от перемен в массовом сознании. Такие перемены происходят. Так, по самым разным опросам общественного мнения, почти две трети респондентов осознают факт неравенства шансов мужчин и женщин в политике и более половины из них убеждены в том, что представительство женщин в структурах власти должно быть равнозначным мужскому.

Тем не менее на текущий момент гендерная асимметрия предопределяет как структуру приоритетов российского государства, так и характер принятия государственных решений. Это значит, что Россия остается страной традиционалистской, где право силы — мужской силы — явно перевешивает силу права.